

Екатерина Филюк

ПОЛИТИКА, ПОЛИТИЧЕСКОЕ И ДЕПОЛИТИЗАЦИЯ В РАБОТАХ К. ШМИТТА

Работы известного немецкого юриста, публициста и политического философа XX в. Карла Шмитта стали доступны русскому читателю лишь в последнее десятилетие. В частности, одна из его наиболее известных работ «Понятие политического» (1927), которая, несомненно, относится к числу самых значительных и самых влиятельных книг XX века, была впервые опубликована на русском языке в 1992 г. Такое забвение одного из классиков политической философии XX в. связано в первую очередь с некоторыми фактами его биографии. А именно с тем фактом, что Шмитт охотно сотрудничал с нацистами. Подобный факт мы находим и в биографии М. Хайдеггера, например, однако он никак не сказался на распространении и популярности его трудов. Почему же чуть ли не любая работа, посвященная Шмитту или так или иначе касающаяся его воззрений, начинается именно с отсылки к его биографии? Например, Джон Кин в своей работе «Демократия и гражданское общество», посвящая Шмитту целую главу, делает оговорку, что рассматриваются лишь те его идеи, которые актуальны и сегодня, памятуя при этом о «его (Шмитта – *Е. Ф.*) изобретательной и коварной манере выступать таким интеллектуальным хамелеоном, литературно приспособливающим свои произведения к изменяющейся социально-политической ситуации» [2, с. 297].

В свое оправдание Шмитт говорил, что не понял сути фашистского режима, что тот факт, что «он принял нацизм вовнутрь, ему не повредил» [6, с. 259]. Однако после семи месяцев лагеря и Нюрнбергского процесса, на котором он выступал в качестве свидетеля, его научная карьера навсегда осталась запятнанной сотрудничеством с Третьим Рейхом.

Надо сказать, что *такие оговорки*, возможно, в случае Шмитта оправданны, так как представляется достаточно сложным различать слово о политике и политическое дело, а, следовательно, достаточно сложно провести разграничение между Шмиттом-политическим мыслителем и Шмиттом-политическим деятелем.

Но, несмотря на то, что многие рассуждения Шмитта были напрямую связаны с текущими политическими моментами, написаны, так сказать, на злобу дня, ценность их заключается именно в том, что эти рассуждения обладают значимостью, выходящей за рамки специальных разъяснений, относящихся только к конкретной политической ситуации или эпохе.

Поэтому, обращаясь к политическим трудам Шмитта, необходимо «отделять теоретическое содержание как ценное и непреходящее от исторической материи и помнить, что всякая актуализация применительно

к текущей политической жизни этой фантастической по богатству идей и продуктивности концепции должна сопровождаться размышлениями над одним вопросом: если сам Шмитт промахнулся столь решительным образом, то не учит ли это нас осторожности?» [6, с. 314].

Еще одним важным общим моментом политических размышлений Шмитта является эзотеричность, которой он сам их наделяет. Так, в предисловии к переизданию работы «Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса» он пишет: «Осторожно! Ты уже, вероятно, что-то слышал о великом Левиафане и тебя тянет почитать эту книгу? Осторожно, любезнейший! Это совершенно эзотерическая книга, и ее имманентная эзотерика увеличивается по мере того, как ты в нее вчитываешься. Так что ты уж, лучше, убери-ка от нее руки! Положи ее обратно, на место! Не хватайся за нее снова, не прикасайся к ней пальцами, даже если они вымыты и ухожены или, сообразно времени, измазаны кровью! Подожди, не встретится ли тебе эта книга вновь и не окажешься ли ты среди тех, кому она открывает свою эзотерику!» [7, с. 5–6].

Согласно А. Ф. Филиппову такое предупреждение следует поместить перед каждой работой немецкого мыслителя, так как «сочинения Шмитта пугающе взрывоопасны» [6, с. 260]. Особенно большие сомнения у него вызывает целесообразность издания Шмитта на русском языке. Осуществление такого мероприятия сродни бомбе замедленного действия, при этом совершенно неизвестно, взорвется ли она когда-нибудь или нет. Но, несмотря на это, Шмитт помещает подобного рода предисловие – предостережение явно не для того, чтобы обезвредить им же и созданную бомбу.

Если попытаться проанализировать слова Шмитта, можно сделать два вывода. Первый заключается в том, что тезис о сфере политики как о сфере эзотерического знания представляется достаточно сомнительным, и Шмитт не мог этого не понимать. При этом нужно учитывать, что в свое время он являлся одним из наиболее известных публицистов в Германии и много писал о политике. Из этого следует, что Шмитт сознательно предостерегает читателя, в то же самое время, соблазняя его запретами, он как бы манит его в сферу политического знания. Он ничего не обещает, скорее, предупреждает об ответственности. Читая К. Шмитта, об этом всегда следует помнить.

В данной статье речь пойдет о двух работах К. Шмитта, относящихся к этапу творчества, еще не омраченному сотрудничеством с нацистами, а именно «Понятие политического» (1927) и «Эпоха деполитизаций и нейтрализаций» (1929).

Целью данной статьи является выявить основные черты концепции политического, а также соотнести данную концепцию Шмитта с его концепцией нейтрализации и деполитизации.

В докладе, сделанном в Барселоне на заседании Европейского Культурного Союза в 1929 году и впоследствии включенном в состав книги «Понятие политического», Шмитт развивает концепцию, согласно которой «европейский дух», начиная с XVI века, прошел четыре стадии развития. Однако он сразу же отмечает, что его построения не являются трансформацией идей О. Конта или Ж.-Б. Вико, попыткой выстроить теорию доминант в истории культуры или сформулировать закон философии истории. Речь идет о том, что за последние несколько веков европейская культура обнаруживала свой центр в различных областях, таких как теологическое (XVI век), метафизическое (XVII век), гуманитарно-моральное (XVIII век) и экономическое (XIX век). В зависимости от того, какая область становилась центральной, понимались различные термины, выстраивались отношения в обществе и идеал государственного устройства, менялись руководящие элиты, их интересы и аргументация. При этом ошибочно предполагать, что, кроме центральной области, больше ничего не существовало, напротив «всегда плюралистично сосуществуют различные, уже пройденные ступени; люди одной и той же эпохи и одной и той же страны и даже члены одной и той же семьи сосуществуют на разных ступенях» [9, с. 48].

Почему же, согласно Шмитту, происходит последовательная смена центральных областей?

Смена эта происходит потому, что человечество стремится найти для себя нейтральную сферу, в которой возможно было бы прийти к некоему «минимуму единодушия, что делает возможными безопасность, очевидность, взаимопонимание и мир» [9, с. 52].

Вызвано такое стремление тем, что в определенный момент в центральной области образовывается множество вопросов, на которые нет ответа, множество понятий, которые ей уже не удастся пояснить, то есть образуется некое проблемное поле. Кроме того, происходит предельная концентрация духовных сил общества в центральной области, что неизбежно ведет к тому, что эта область становится политической.

Для того чтобы понять, что это значит, необходимо обратиться к еще одной работе Шмитта «Понятие политического».

Определить политическое, по Шмитту, можно только посредством обнаружения специфически политических категорий. Так, в области морали такими специфическими для нее категориями являются «доброе» и «злое», в эстетике – «прекрасное и безобразное», в экономике – «полезное» и «вредное», а в сфере политического такими категориями выступают категории «друг» и «враг». Следует обратить внимание на то, что понятия «друг» и «враг» используются в специфически политическом смысле слова, это не метафоры или символы и не психологическое выражение частных чувств. Это означает, что «враг» совсем не должен

быть безобразным и злым хозяйственным конкурентом, а друг – прекрасным и добрым. «Смысл различения друга и врага состоит в том, чтобы обозначить высшую степень интенсивности соединения или разъединения, ассоциации или диссоциации» [8, с. 37].

Такая ассоциация или диссоциация может происходить в любой сфере человеческой жизни, будь то религиозная, экономическая, моральная, государственная или социальная сфера. Если в любой из перечисленных областей уровень диссоциации доходит до своей высшей точки, происходит разделение на политические противоположности «друга» и «врага», и эта сфера в независимости от своего содержания становится политической.

Итак, вернемся к концепции четырех ступеней развития. Процесс переноса центральной области в другую сферу аргументируется желанием установить «минимум единодушия», который будет гарантом мира и взаимопонимания, что невозможно осуществить, находясь в рамках центральной сферы, которая политизирована, а, следовательно, в ней необходимо присутствует различие на «друга» и «врага». Это противоположность, поскольку она политическая предполагает, что она предельная, то есть, что «минимум единодушия» недостижим. Следовательно, данная область не является больше нейтральной, и необходимо перенести центральную область в другую сферу. Однако парадокс заключается в том, что как только определенная область из центральной превращается в периферийную, она тут же автоматически нейтрализуется и деполитизируется, в то время как область, ставшая центральной, политизируется и перестает быть нейтральной. Таким образом, например, для метафизики XVII века понятия, выработанные теологическим мышлением, становятся нейтральными и неинтересными, в то время как метафизические приобретают высшее значение.

В XX веке центральной областью становится техника. В ней человечество пытается воплотить идеал нейтральности и деполитизированности. В противоположность теологической, моральной или экономической сферам, где всегда существует ряд вопросов, ответы на которые не только не однозначны, но зачастую противоположны и несводимы друг к другу, в области техники проблемы всегда имеют адекватное и объективное единое решение. Именно поэтому в начале двадцатого века с техникой и ее развитием было связано множество надежд человечества, в том числе и надежда найти в ней искомую нейтральную область. «Ведь, кажется, нет ничего более нейтрального, чем техника. Она служит каждому подобно тому, как радио можно использовать для сообщений любого рода и содержания, или подобно тому, как почта пересылает отправления безотносительно к их

содержанию, а из техники почтового предприятия нельзя вывести критерий оценки пересылаемых отправок» [9, с. 54].

Только техника, по словам Шмитта, «всегда есть лишь инструмент, оружие, и именно потому, что она служит каждому, она не нейтральна» [9, с. 54]. Таким образом, технику можно назвать иллюзорной центральной областью XX века, так как реально она является оружием в руках политики, и от того, какая политическая сила окажется сильнее, будет зависеть, в чьи руки попадет техника, кому станет служить. Осознание этого факта принесло разочарование.

Но кроме этого, человечество не сможет найти в технике нейтральной области еще и потому, что мир без политической противоположности, мир, в котором «не имела бы смысла никакая противоположность, на основании которой от людей могло бы требоваться самопожертвование и им давались бы полномочия проливать кровь и убивать людей» [8, с. 44], просто невозможен. Невозможен такой мир в силу того, что понятие государства с необходимостью предполагает понятие политического, следовательно, чтобы достичь нейтральности, необходимо отказаться от государства, иначе невозможно будет избавиться от политического. «Вопрос о государстве, таким образом, служит рамочным для понятийной работы Шмитта, а потому, вникая в содержание понятия политического, этот рамочный вопрос нужно постоянно иметь в виду, по меньшей мере – “чувствовать затылком“» [4]. Политическое единство по своему существу не может быть универсальным, охватывающим все человечество, весь мир. Политическое единство предполагает существование предельного различия на «друга» и «врага».

В связи с такой трактовкой Шмиттом сути политического интересно отметить, что практически во всех исследованиях политического второй половины XX века присутствует тема его конца.

Каким же образом исследователи рассматривают политическое, что могут предположить его конец, тогда как мы видим, что в концепции, предложенной Шмиттом, невозможно говорить о конце политического.

Жак Рансьер открывает свою книгу «На краю политического» следующими словами: «В тысячах университетских речей и речах государственных деятелей на все лады воспевался конец, которому суждено было наступить после утраты иллюзий истории или революции... В этих речах политическое причислялось к числу отживших древностей» [5, с. 7]. По его мнению, известная идея конца политики должна быть сформулирована следующим образом: политика должна секуляризироваться, как и религия в свое время, она должна отбросить иллюзии и обещания изменений в будущем и начать жить настоящим, она должна стать эффективным средством регулирования общественных интересов. По словам Ж. Бра, как ни банально это утверждать, «целью

политики является общественное благо. Это то, что философы не перестают повторять со времен Аристотеля» [1, с. 43]. Следуя за Рансьером и используя формулировку Бра, можно сказать, что единственным заданием политики в XXI веке становится наиболее эффективная реализация общественного блага, следовательно, она становится некой техникой регулирования общественных отношений.

При этом нужно выделить еще одну особенность размышлений Ж. Рансьера, а именно то, что он говорит о двусмысленности понятия политического, и для того, чтобы от этой двусмысленности избавиться, предлагает различать политику как «борьбу партий за власть и осуществление этой власти» и политическое как «принципы закона, власти и сообщества» [5, с. 11]. Таким образом, у Рансьера речь идет не о конце политического, а скорее о конце политики как «правительственной кухни» [5, с. 11].

Примерно такую же формулировку мы находим и у Ш. Муфф: «Под “политическим” я понимаю измерение антагонизма, которое я считаю конститутивным для человеческих обществ, а под “политикой” я понимаю совокупность практик, словесных игр и институтов, при помощи которых создается порядок, организующий человеческое сосуществование в контексте конфликтности, создаваемой политическим» [3]. Однако она понимает политическое в духе К. Шмитта, хотя и предлагает собственную трактовку его концепции «друга» – «врага». Не согласна Муфф и с предложенной Рансьером формулировкой идеи конца политики как перехода к некой безликой техничности, ведь «политические вопросы – это не просто технические вопросы, которые должны решаться экспертами. По сути, политические вопросы всегда включают в себя решения, которые требуют выбора между конфликтующими альтернативами» [3].

Вслед за Шмиттом Шанталь Муфф утверждает невозможность исчезновения политического противопоставления «нас» и «их», «друзей» и «врагов», развивает эту идею, показывая, что на основании политического различия строится коллективная идентичность и утверждает, что антагонизм – это онтологическая характеристика общества. Необходимо отметить, что при этом Муфф предлагает дополнить антагонизм агонизмом. Антагонизм, по Муфф, является отношением между «мы» и «они», в рамках которого две стороны являются врагами и не имеют между собой ничего общего; агонизм – это отношения между «мы» и «они», где конфликтующие стороны, несмотря на то, что они признают, что не существует никакого рационального разрешения для их конфликта, тем не менее, признают оправданность и легитимность действий и позиций обеих сторон и противников. Таким образом, в первом случае мы не наблюдаем общего символического

пространства, конфликт происходит в различных плоскостях, которые не соприкасаются между собой, во втором – «мы» и «они» «разделяют одно и то же символическое пространство, где и происходит конфликт» [3]. Муфф также отмечает, что в рамках агонистического подхода публичных пространств всегда много, «и агонистическая конфронтация имеет место в множественности пространств дискурса» [3].

Возвращаясь к идеям К. Шмитта, необходимо отметить, что, если придерживаться определений, данных Муфф антагонизму и агонизму, то у Шмитта мы скорее найдем второй. Объяснить это можно тем, что Шмитт, как уже отмечалось выше, «друзей» и «врагов» не считает психологическими или этическими противоположностями, хотя они и могут возникнуть на основании религиозных, этических или экономических различий. Антагонизм, по Шмитту, появляется вследствие умышленного злоупотребления одной из сторон, когда, например, ею провозглашается война во имя человечества, справедливости или мира. Тем самым идейный противник обвиняется в бесчеловечности, лживости, агрессивности. Одна из сторон пытается «оккупировать универсальное понятие, чтобы идентифицировать себя с ним за счет противника» [8, с. 59], таким образом, противники оказываются в различных символических пространствах, в ситуации антагонизма. Следовательно, по Шмитту, также возможна как ситуация агонизма, так и ситуация антагонизма.

Итак, если принять во внимание различие политики и политического, можно говорить о конце политики, который при этом совершенно не подразумевает конца политического. Говоря же о конце политики, следует заметить, что это не ее отрицание или полное отсутствие, это скорее ее видоизменение, превращение в ряд технических действий, направленных на максимально эффективное достижение общественного блага. Политическое же, как наиболее сильное и интенсивное разделение и различие на группы «друзей» и «врагов» не имеет конца, так как, во-первых, это разделение настолько сильно, что является бытийственной характеристикой любого социума, без которого он не может существовать, во-вторых, это способ идентификации различных групп людей, в-третьих, поскольку существуют различные народы, религии и классы, всегда присутствует возможность разделения на «боевые группы», то есть на политические противоположности.

Что же касается нейтрализации и деполитизации, необходимо отметить, что предложенная Шмиттом концепция о последовательной смене центральных областей европейского духа, наложенная на его концепцию политического, приводит нас к следующему выводу: начиная с XVI века европейский дух последовательно прошел такие стадии, как теологическая (XVI век), метафизическая (XVII век), гуманитарно-моральная (XVIII век), экономическая (XIX век) и техническая (XX век),

смена которых инициировалась желанием найти нейтральную область и тем самым прийти к «минимуму единодушия», что, впрочем, оказалось призрачным и невыполнимым, потому что как только определенная область становилась центральной, она теряла свою нейтральность и безвозвратно политизировалась. Попытка XX века найти в технике последнюю нейтральную область также потерпела крах, однако привела к одному очень важному изменению, а именно к изменению понятия политического. Как уже отмечалось, смена центральной области неизбежно вела к изменению содержания понятий, в данном случае понятия политического/политики. Оно поменяло свое значение в соответствии с центральной областью современности – техникой, и отныне понимается как «осмотрительное управление интересами общества» [5, с. 7], как ряд технических возможностей, процедур и действий.

1. Бра Ж. Что такое политика? // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия.– 2005.– № 3.– С. 39–48. // http://www.philos.msu.ru/vestnik/philos/art/2005/brat_politics.htm
2. Кин Д. Демократия и гражданское общество.– М.: Прогресс-Традиция, 2001.– 400 с.
3. Муфф Ш. Пространства публичной полемики, демократическая политика и динамика настроений // Материалы Второй Московской биеннале современного искусства // http://2nd.moscowbiennale.ru/ru/muff_doklad1/
4. Никитаев В. Политическое как стратегия власти // Логос.– 2004.– № 6 // <http://magazines.russ.ru/logos/2004/6/vi8.html>
5. Рансьер Ж. На краю политического.– М.: Праксис, 2006.– 240 с.
6. Филиппов А. Ф. Расцвет и катастрофа // Шмитт К. Политическая теология.– М.: Канон-Пресс-Ц, 2000.– С. 259–314.
7. Филиппов А. Ф. Критика Левиафана // Шмитт К. Левиафан в учении о государстве Томаса Гоббса.– СПб.: Владимир Даль, 2006.– С. 5–100.
8. Шмитт К. Понятие политического // Вопросы социологии.– 1992.– №1.– С. 35–67.
9. Шмитт К. Эпоха деполитизаций и нейтрализаций // Социологическое обозрение. Т. 1.– 2001.– № 2.– С. 47–56.